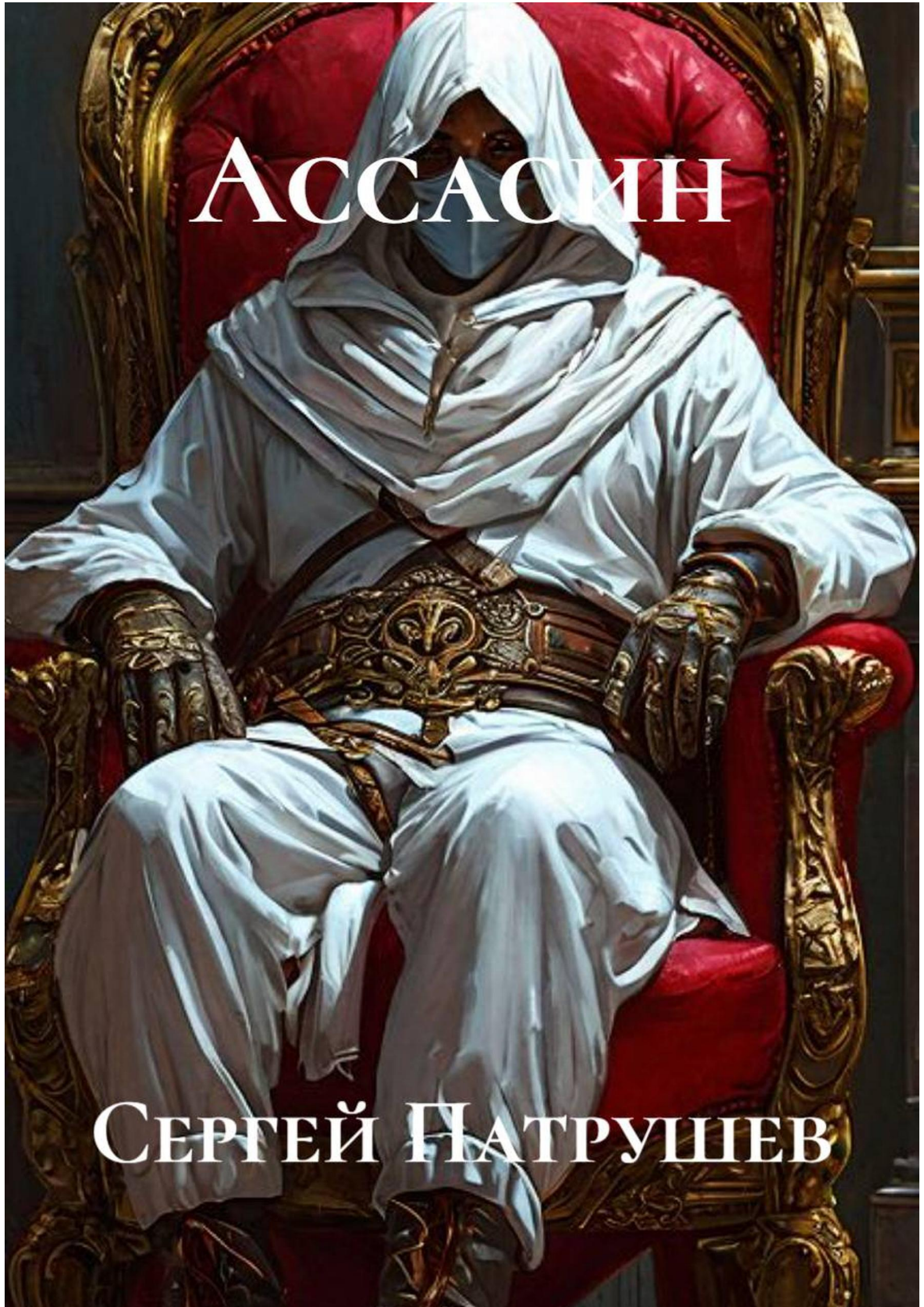

A person wearing a white hooded robe and a light blue surgical mask is seated on a red upholstered throne with an ornate gold frame. The person is wearing a wide, ornate gold belt with intricate designs and matching gold gauntlets on their hands. The background is dark and indistinct.

АССАСИН

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Ассасин

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ассасин / С. Патрушев — «Автор», 2026

В королевстве Вельгард, где мраморные башни знати возвышаются над гниющими трущобами Ям, тень правит не менее властно, чем корона. Гильдия ассасинов «Шёпоты» веками оставалась орудием в руках сильных мира сего, но времена меняются. Когда опытный убийца Кэл получает заказ, который оказывается частью чужой политической игры, он оказывается втянут в паутину интриг, предательств и кровавых заговоров, грозящих обрушить всё королевство. Смерть короля, мятеж великих домов, пустая казна и амбициозный принц, рвущийся к трону, Эшфорд погружается в хаос, но у Кэла свои планы: он больше не намерен быть пешкой. Возглавив «Шёпотов», он бросает вызов и знати, и короне, превращая Гильдию из своры наёмников в силу, с которой вынуждены считаться. Рядом с ним — леди Серена, отвергнувшая судьбу разменной монеты и мальчишка Ник, поднявшийся из трущоб, чтобы стать наследником тьмы, но за каждый шаг к свободе придётся платить кровью.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Цена контракта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Ассасин

Глава 1: Цена контракта

Ночь в Эшфорде никогда не была по-настоящему тихой, она лишь меняла свою тональность, перестраивая симфонию городского шума с дневного грохота кузнечных молотов и пронзительных криков уличных торговцев на приглушенное ворчание пьяных матросов, отдаленный лай бродячих псов, шорох крысиных лап в забитых нечистотами сточных канавах и едва уловимое, но от того не менее зловещее шуршание чьих-то осторожных шагов в глубине темных переулков. Однако на уровне шпилей, там, где белоснежные мраморные башни древних аристократических родов пронзали тяжелое, набухшее дождем свинцовое небо, царила совершенно иная, почти противоестественная для этого города тишина, тишина, купленная за непомерное золото, оплаченная потом и кровью сотен поколений слуг и охраняемая неусыпной бдительностью наемных мечей и зачарованных амулетов.

Кэл никогда не испытывал ничего, кроме глухого, с трудом подавляемого отвращения к верхнему городу, потому что здесь было слишком чисто, слишком просторно и слишком светло даже глубокой ночью из-за бесчисленных магических фонарей, развешанных вдоль идеально вымощенных улиц, и от этой стерильной, искусственной красоты он чувствовал себя совершенно голым, лишенным привычного укрытия, словно хищник, которого выгнали из его естественной среды обитания на открытое, хорошо освещенное пространство. Его родной стихией были Ямы — тот самый лабиринт из гниющих деревянных балок, протекающих прогнивших крыш, покосившихся лачуг и настолько узких переулков, что в них едва могли разойтись два человека, где тень была гуще самой черной смолы, где смрад от разлагающихся отбросов смешивался с запахом дешевого табака и вареной требухи, а человеческая жизнь стоила дешевле черствой краюхи хлеба, и именно там, в этом хаотичном переплетении нищеты и отчаяния, Кэл был невидимкой, бесплотным духом, хищником, идеально вписанным в жесткую экосистему трущоб, частью которой он стал задолго до того, как впервые переступил порог Гильдии.

Здесь же, наверху, среди величественных колоннад, ажурных арочных мостов, перекинутых между роскошными особняками на высоте птичьего полета, и бесконечных рядов декоративных балюстрад, украшенных каменными горгульями, каждый его шаг, каждое движение, каждый вздох, казалось, отдавались гулким эхом на весь аристократический квартал, и это ощущение постоянной, невидимой слежки заставляло его нервы натягиваться до предела, обостряя все чувства до болезненной ясности.

Он сидел на корточках за широкой дымовой трубой, щедро украшенной вычурной лепниной в виде переплетающихся грифонов и виноградных лоз, и его плащ, сшитый из многослойной ткани цвета разбавленных чернил, делал его силуэт похожим на бесформенный выступ крыши или на грудю тряпья, случайно оставленную здесь нерадивым трубочистом, а низко надвинутый капюшон оставлял в непроницаемой темноте лишь узкую полоску лица, пересеченную старым шрамом на правой скуле и холодным, ничего не выражающим блеском серых глаз, которые в данный момент неотрывно следили за окнами особняка, расположенного на противоположной стороне улицы. Дыхание его было ровным, замедленным до ритма глубоко спящего человека, потому что он провел на этом продуваемом всеми ветрами карнизе уже

почти два часа, и за это время его тело успело окоченеть от холода, но многолетняя привычка и железная дисциплина не позволяли ему даже пошевелиться, чтобы размять затекшие конечности, поскольку он знал, что любое неосторожное движение может привлечь внимание бдительной стражи, патрулирующей улицы верхнего города.

Его цель — Гилян Ротт, сборщик податей Его Королевского Величества для Нижних кварталов, официально числившийся образцовым государственным служащим, исправно посещавшим все обязательные церемонии в храме Единого и регулярно жертвовавшим немалые суммы на содержание городских приютов, но неофициально представлявший собой не что иное, как жирного, отвратительного паука, раскинувшего свою липкую паутину над самыми бедными и незащищенными районами Эшфорда и методично, год за годом, высасывавшего последние жизненные соки из тех, у кого и так не оставалось ничего, кроме собственной кожи да костей, и Кэл прекрасно знал этот тип людей, потому что за пятнадцать лет службы в Гильдии ему не раз приходилось устранять подобных кровопийц, которые не носили оружия, но чьи острые, словно бритва, перья были опаснее любого клинка, а их пухлые бухгалтерские книги, заполненные убогим почерком, были не просто колонками цифр, а настоящими реками выжатой из бедняков крови.

Сегодня Ротт устроил небольшой банкет для своих прихлебателей, и из распахнутых настежь окон его особняка доносились звон хрустальных бокалов, приторный аромат жареного мяса с пряностями, смешанный с дорогими благовониями, и обрывки громкого, самодовольного смеха, который эхом разлетался по пустынной улице, заставляя Кэла инстинктивно сжимать челюсти от едва сдерживаемого презрения.

Контракт был до безобразия простым и не предполагал никаких сложностей: никаких жертв среди охраны, никакого шума, никаких следов, никаких свидетелей, Гилян Ротт должен был просто не проснуться следующим утром, и тогда его смерть списали бы на сердечный приступ или на несварение желудка, что для человека его комплекции было бы вполне естественным объяснением, и эта работа была идеальной для «Шепота», ассасина, специализирующегося на тихих, незаметных устранениях без лишней крови и без ненужной жестокости. Кэл поправил манжету на левом запястье, проверяя надежность крепления тонкого, как игла, стилета, спрятанного в специальном кожаном чехле, и продолжил терпеливо ждать того момента, когда жертва наконец отпустит всех слуг, закончит свои дела и останется в одиночестве в своей спальне.

Заказ поступил этим утром через старого, проверенного временем посредника, и это само по себе было довольно необычно, потому что Гильдия, при всей своей репутации безжалостной организации, редко брала заказы на устранение государственных служащих без крайне веских на то оснований и, как правило, запрашивала за подобные контракты цену, втрое, а то и впятеро превышавшую стандартную ставку, однако дело было даже не в деньгах, а в том, что платил не кто-то из конкурентов Ротта по торговым или финансовым делам, не обманутый им купец и не доведенный до отчаяния должник, а неизвестный представитель высшей знати, из тех могущественных аристократов, которые предпочитали оставаться в глубокой тени и действовать исключительно через цепочку доверенных лиц, никогда не показываясь на глаза исполнителям.

Ассасины Гильдии, разумеется, не задавали лишних вопросов и не интересовались мотивами заказчика, но Кэл, проработавший в «Шепотах» более пятнадцати лет и прошедший путь от безвестного новичка до одного из самых востребованных и высокооплачиваемых мастеров

своего дела, за эти годы научился интуитивно чувствовать, когда за обычным, рутинным убийством скрывается нечто гораздо более масштабное и опасное, некая скрытая игра, в которой исполнителю отводится роль расходного материала, и сейчас это самое чутье, этот внутренний голос, который никогда не подводил его раньше, настойчиво подсказывал ему, что заказ на устранение жирного сборщика податей — это не просто очередной контракт, а первый ход в некой сложной, многоходовой партии, правил которой он пока не понимал.

Скрипнула тяжелая входная дверь особняка, и на улицу, пошатываясь и громко, невпопад, прощаясь друг с другом заплетающимися языками, вывалились последние гости Гилиана Ротта, чьи громкие голоса и неуверенные движения выдавали в них людей, изрядно перебравших дорогого вина за хозяйским столом; пара наемных экипажей с гербами второстепенных дворянских домов подкатила к крыльцу, цоканье копыт по мостовой смешалось с прощальными возгласами, и вскоре улица опустела, погрузившись в ту самую неестественную тишину, которая так раздражала Кэла.

Еще через полчаса, показавшиеся ему вечностью, свет в просторной гостиной на втором этаже наконец погас, и вместо него зажегся теплый, маслянистый свет в спальне, расположенной в южном крыле особняка, и Кэл, дождавшись этого сигнала, бесшумно поднялся с корточек, ощущая, как затекшее от долгой неподвижности тело отзывается тупой, ноющей болью в коленях и пояснице, на которую он, впрочем, не обратил ни малейшего внимания, потому что все его мысли уже были сосредоточены на предстоящей работе.

Плащ мягко стек с его плеч и остался лежать на холодном камне крыши, словно сброшенная змеиная кожа, а под ним обнаружился обтягивающий костюм из матовой черной кожи, обработанной специальным составом, который поглощал свет и делал его владельца практически невидимым в темноте, и, оставшись в этом облачении, Кэл почувствовал себя значительно увереннее, потому что именно так, без лишних слоев ткани, которые могли зацепиться за выступ или замедлить движение, он привык работать.

Перемещение по крышам Эшфорда было для Кэла сродни дыханию или биению сердца, это был навык, доведенный до автоматизма за годы тренировок и сотни выполненных контрактов, поэтому он преодолел расстояние между домами по узкому декоративному карнизу шириной едва ли в полторы ладони, даже не взглянув вниз, в темную пропасть мостовой, простиравшуюся на высоте четырех этажей, а его пальцы в тонких перчатках из кожи нерожденного ягненка безошибочно находили малейшие выступы и трещины в мраморной кладке, позволяя ему двигаться с плавностью и уверенностью, недоступной обычному человеку.

Добравшись до стены особняка Ротта, он на несколько мгновений прижался к холодному, влажному от ночной росы камню, сливаясь с ним настолько органично, что даже внимательный наблюдатель, оказавшись он сейчас на улице, не заметил бы ничего подозрительного, а затем, убедившись, что вокруг по-прежнему царит тишина, начал медленно и осторожно подниматься по декоративным пилястрам, украшавшим фасад здания, пока не поравнялся с окном спальни, которое, как он и предполагал, было приоткрыто, поскольку Ротт, будучи человеком тучным и постоянно страдавшим от жары, даже в прохладные ночи предпочитал спать с доступом свежего воздуха.

Изнутри доносился монотонный, недовольный голос самого Ротта, который, судя по всему, отчитывал кого-то из прислуги за какую-то мелкую провинность, и Кэл, не желая рисковать, терпеливо дождался, пока этот разговор закончится, пока хлопнет тяжелая дверь, выпус-

кая провинившегося слугу, и пока в комнате воцарится та особенная, вязкая тишина, которая обычно предшествует отходу человека ко сну.

Затем, ухватившись за декоративный выступ над окном, он одним плавным, текучим движением подтянулся и заглянул внутрь, и его глазам предстала картина, которую он уже мысленно нарисовал себе заранее: Гириан Ротт, облаченный в длинную ночную рубашку из дорогого шелка, доходившую ему до самых пят, стоял перед высоким напольным зеркалом в резной золоченой раме и с выражением глубокой, бессильной печали разглядывал свою лысеющую голову, пытаясь пригладить остатки жидких волос таким образом, чтобы прикрыть блестящую розовую плешь, и это зрелище было настолько жалким и одновременно отвратительным, что Кэл на мгновение даже испытал нечто похожее на безразличное сочувствие к этому человеку, который, несмотря на всё своё богатство и положение, в глубине души, вероятно, оставался глубоко несчастным существом.

В комнате, помимо самого Ротта, никого не было, и Кэл, убедившись в этом, скользнул внутрь через приоткрытую створку окна с грацией и бесшумностью ночного призрака, и порыв холодного сквозняка, ворвавшийся вместе с ним, заставил тяжелые бархатные портьеры колыхнуться, а пламя масляной лампы, стоявшей на прикроватном столике, нервно заметалось из стороны в сторону, отбрасывая на стены пляшущие, искаженные тени.

Ротт обернулся на это движение воздуха, и в его заплывших жиром, покрасневших от выпитого глазках мелькнуло сначала непонимание, затем удивление, а затем, когда его взгляд остановился на темной фигуре, материализовавшейся посреди его спальни, — леденящий, парализующий ужас, который, впрочем, так и не успел вырваться наружу в виде крика, потому что Кэл оказался рядом с ним быстрее, чем человек успевает моргнуть, и его движение было скупым, выверенным до миллиметра, лишенным каких-либо лишних деталей: левая рука, затянута в черную перчатку, намертво зажала рот жертвы, заглушая любой возможный звук, а правая рука вонзила тонкий, как игла, стилет под нижнее ребро, целясь точно в сердце, под тем самым углом, который был отработан до совершенства на сотнях тренировочных манекенов и десятках живых целей.

Гириан Ротт дернулся всем своим грузным телом, из его горла вырвался сдавленный, булькающий хрип, похожий на звук лопающегося пузыря, глаза выпучились до предела, налившись кровью, а затем его тело обмякло, превратившись в безвольный, тяжелый мешок с костями и плотью, и Кэл, удерживая этот немалый вес, аккуратно, стараясь не создавать лишнего шума, опустил тушу на широкую кровать с балдахином, после чего вытащил стилет, вытер лезвие о простыню и вернул оружие в потайной чехол на запястье.

Смерть наступила почти мгновенно, сердце остановилось, не успев сделать и двух ударов, а на лице Ротта застыло выражение крайнего удивления, смешанного с ужасом, и Кэл, глядя на это лицо, не испытывал ни удовлетворения, ни сожаления, ни каких-либо других эмоций, потому что эмоции были непозволительной роскошью в его профессии, и он давно научился отключать их в момент выполнения работы, оставляя лишь холодный, расчетливый профессионализм.

Однако контракт на этом не заканчивался, поскольку Кэл знал, что у таких людей, как Ротт, обязательно имеется личный сейф, спрятанный где-то в спальне или в примыкающем к ней кабинете, и что в этом сейфе, помимо денег и драгоценностей, могут храниться документы, представляющие интерес либо для заказчика, либо, что было гораздо более вероятно, пред-

ставляющие опасность для самого исполнителя, если они вдруг попадут не в те руки, поэтому его задачей было не просто убить, но и убедиться в том, что никаких компрометирующих следов не останется.

Сейф обнаружился довольно быстро — он был спрятан за большой картиной в тяжелой золоченой раме, изображавшей сцену королевской охоты на кабана, и Кэл, мысленно усмехнувшись банальности этого укрытия, опустился на колени перед массивной стальной дверцей, доставая из внутреннего кармана набор тонких отмычек, изготовленных специально для него одним из лучших мастеров Гильдии, и приступил к работе, требующей невероятной концентрации и чувствительности пальцев.

Работа с замком заняла около минуты, потому что механизм был хоть и сложным, но отнюдь не уникальным, и Кэлу уже неоднократно приходилось вскрывать подобные системы, поэтому, когда дверца наконец мягко отошла в сторону, он даже не испытал особого удовлетворения, лишь отметив про себя, что пора бы уже начать повышать ставки за контракты, связанные с сейфами, поскольку они добавляли лишнюю работу и лишний риск.

Внутри, как он и предполагал, лежало несколько тугих кожаных кошельков, доверху набитых золотыми монетами, — это была та самая подать, собранная с нищих обитателей Ям, и при виде этих денег в груди Кэла на мгновение всколыхнулось глухое, застарелое отвращение к тем, кто наживается на чужой нищете, но он подавил это чувство, напомнив себе, что его дело — не вершить справедливость, а выполнять контракты, и что золото, которое он сейчас видит, скорее всего, достанется заказчику или останется в сейфе на радость наследникам покойного.

Помимо кошельков, в сейфе лежала стопка пергаментных документов, перевязанных выцветшей лентой, и Кэл, достав эту стопку, начал быстро просматривать ее содержимое при свете масляной лампы, стоявшей на прикроватном столике, и сначала это были обычные долговые расписки, списки недоимок и прочая рутинная бюрократическая писанина, не представлявшая особого интереса, но затем его взгляд наткнулся на письмо, написанное на необычайно дорогой бумаге с золотым обрезом и украшенное сложным геральдическим вензелем, которое разительно отличалось от всех остальных документов.

Печать на письме была уже сломана, что говорило о том, что адресат его прочитал, и Кэл, не колеблясь ни секунды, развернул плотный лист и поднес его ближе к свету, чтобы разобрать витиеватый, каллиграфический почерк.

«Ротт, — гласило письмо, — Ваши действия в Ямах в последнее время привлекают слишком много нежелательного внимания, и Совет выражает крайнюю обеспокоенность тем фактом, что Ваши, скажем так, чрезмерные аппетиты могут в конечном итоге привести к открытому бунту среди черни, последствия которого будет крайне сложно предсказать и еще сложнее удержать под контролем. Лорд Креган настоятельно требует предоставить полный и исчерпывающий отчет о всех собранных средствах не позднее конца текущего месяца. Все средства должны быть переданы лично Магистру Финансов в руки, без каких-либо посредников и без каких-либо утаиваний. Не пытайтесь утаить хотя бы часть, поскольку Вы прекрасно осведомлены о том, чем это грозит лично Вам и Вашей семье. Сожгите это письмо немедленно после прочтения».

Подписи под письмом не было, но Кэлу она и не требовалась, поскольку вензель, украшавший верхнюю часть листа, был ему хорошо знаком: он принадлежал дому Белфорт, одной

из самых древних, самых могущественных и самых влиятельных семей Королевского Совета Вельгарда, чьи представители на протяжении нескольких поколений занимали ключевые посты в государственном аппарате и чьи интриги плелись на самых верхних этажах власти.

Это письмо не было простым предупреждением или рутинным напоминанием о сроках сдачи отчетности, это была улика, связывающая обычного, на первый взгляд, сборщика податей с самым верхом политической элиты королевства, и Кэл, осознав всю ценность и всю опасность этого документа, который сейчас держал в руках, почувствовал, как по его спине пробежал неприятный холодок, тот самый, который обычно предшествовал серьезным неприятностям.

Ротт был не просто вором-одиночкой, действовавшим на свой страх и риск, он был частью сложной, разветвленной системы, частью механизма, отмывавшего колоссальные суммы денег для представителей высшей знати, и Кэл только что собственноручно уничтожил один из важных винтиков этого механизма, что неизбежно должно было вызвать цепную реакцию, последствия которой было невозможно предсказать заранее.

Он аккуратно сложил письмо и сунул его за пазуху, под кожаный костюм, туда, где оно будет надежно защищено от влаги и случайных взглядов, и на мгновение в его сознании мелькнул образ: лица заказчика он не знал, поскольку Гильдия строго соблюдала анонимность обеих сторон сделки, но он чувствовал холодок опасности, исходивший от этого контракта, чувствовал, что где-то за кулисами этой маленькой драмы стоят силы, о которых он не имеет ни малейшего представления.

Если заказчиком был не конкурент Ротта по финансовым делам и не обманутый им купец, а кто-то из высшей знати, то зачем этому человеку понадобилось устранять сборщика податей, который, судя по письму, был всего лишь послушной марионеткой в руках лорда Крегана Белфорта? Возможно, Ротт стал слишком болтлив, слишком жаден или слишком неосторожен в своих действиях, и его покровители решили избавиться от него, пока он не навлек на них беду? Или, возможно, заказчик был личным врагом лорда Крегана, и убийство Ротта должно было стать ударом по его финансовым потокам, по тем самым невидимым нитям, которые связывали советника с самыми грязными доходами столицы?

В любом случае, независимо от истинных мотивов заказчика, Кэл оказался втянут в большую политическую игру, в которой пешки начинали осознавать, что доска, на которой их расставили, наклонена под крайне опасным углом, и что любой неверный шаг может привести к падению в пропасть, из которой не возвращаются.

Он вернул сейф на место, тщательно вытер все поверхности, к которым прикасался, обрывком дорогой шелковой простыни, чтобы не оставить отпечатков пальцев, затем поправил картину, скрывавшую тайник, и, бросив последний взгляд на мертвое тело Гиляна Ротта, которое уже начало остывать, выскользнул тем же путем, через приоткрытое окно, оставив позади только остывающий труп, аромат дорогих благовоний, смешанный с едва уловимым запахом крови, и неразгаданную загадку, которая, он чувствовал это, еще вернется к нему самым неприятным образом.

Когда он наконец спустился в Ямы по известному только ему и еще паре доверенных людей пути — через старую дренажную решетку у Восточных ворот, которая выходила в заброшенный коллектор, ведущий напрямик в самое сердце трущоб, — город встретил его привыч-

ной вонюю гниющих отбросов, гомоном ночных завсегдатаев дешевых кабаков и той особенной, нервной, никогда не затихающей энергией, которая была неотъемлемой частью жизни в Нижних кварталах Эшфорда.

Ночь в Ямах кипела жизнью, несмотря на поздний час: мимо Кэла то и дело пробегали полуодетые, босоногие дети, промышлявшие карманными кражами или выполнявшие мелкие поручения местных бандитов, из темных подворотен доносились обрывки воровского жаргона, приглушенные споры о дележе добычи и иногда — короткие, сдавленные вскрики, свидетельствовавшие о том, что не все переговоры заканчивались мирным соглашением, а в грязных лужах, покрытых радужной пленкой нечистот, отражался тусклый, дрожащий свет редких масляных фонарей, которые городская стража не удосуживалась зажигать уже много лет, предоставив обитателям Ям самим заботиться о своем освещении.

Кэл двигался быстро, но не бежал, оставаясь невидимой тенью среди других теней, его фигура сливалась с мраком переулков настолько органично, что даже опытные обитатели трущоб, привыкшие замечать любую опасность, не обращали на него ни малейшего внимания, принимая за обычного ночного прохожего, спешащего по своим делам, или вовсе не замечая его присутствия.

Его путь лежал в «Хромую Гарпию» — трактир, пользовавшийся дурной славой даже по меркам Ям, место, где собирались самые отбросы общества: беглые каторжники, наемные убийцы, контрабандисты, торговцы краденым и прочие личности, для которых закон был пустым звуком, и именно этот трактир служил одной из многочисленных явок Гильдии «Шепотов», где ассасины могли получить новые контракты, передать отчет о выполненной работе или просто залечь на дно, если ситуация становилась слишком опасной.

«Хромая Гарпия» располагалась на самой границе между Ямами и Купеческим кварталом, в том самом месте, где сходились все дороги и все слухи, где можно было купить информацию о чем угодно и о ком угодно, где за несколько серебряных монет можно было узнать расписание движения караванов или список гостей на балу у того или иного аристократа, и именно это стратегическое расположение делало трактир настолько ценным для Гильдии, что она готова была мириться с его сомнительной репутацией и вечной вонюю прокисшего пива.

Внутри было накурено до такой степени, что воздух казался густым, как кисель, и Кэл, войдя в общий зал, на мгновение даже пожалел, что не захватил с собой платок, чтобы прикрыть нос от этого удушающего смрада, состоявшего из смеси дешевого табака, перегара, немых тел и еще бог весть каких ароматов, но, как обычно, подавил это желание, понимая, что любые проявления брезгливости могут привлечь к нему ненужное внимание.

Он прошел через общий зал, лавируя между пьяными матросами, горланившими непристойные песни, дешевыми шлюхами, навязчиво предлагавшими свои услуги, и мрачными личностями, игравшими в кости на последние медяки, стараясь не смотреть никому в глаза и не задерживаться ни на одном месте дольше, чем это было необходимо, пока наконец не добрался до неприметной двери в дальнем углу, которая вела в задние комнаты, куда посторонним вход был строго воспрещен.

Там его уже ждал Гримальд — старый, высохший, как осенняя мумия, посредник с ядовито-зелеными глазами, которые, казалось, светились в полумраке комнаты, словно у хищного зверя, и который сидел за шатким деревянным столом, покрытым пятнами от пролитого вина

и воска, и неторопливо перебирал в костлявых пальцах четки из черного камня, каждая бусина которых была размером с ноготь большого пальца.

— Сделано? — спросил он, не поднимая головы, и его голос, сухой и шелестящий, как осенние листья под ногами, прозвучал в тишине комнаты неожиданно громко.

— Сделано, — коротко ответил Кэл, опускаясь на скрипучий стул напротив, и положил на стол кошель с авансом, который ему выдали утром и который он теперь возвращал, поскольку предпочитал получать оплату только после завершения работы, и это правило он не нарушал ни разу за всю свою карьеру. — Мне нужно знать имя заказчика.

Гримальд поднял на него свои жутковатые зеленые глаза, в которых на мгновение мелькнуло удивление, смешанное с любопытством, и его тонкие, потрескавшиеся губы растянулись в усмешке, обнажившей ряд желтых, гнилых зубов, которые, казалось, вот-вот готовы были выпасть из его рта.

— С каких это пор, скажи на милость, ассасины «Шепотов» интересуются именами заказчиков? — произнес он с нескрываемой иронией. — Ты получил плату, мы получили свою долю, контракт закрыт, и не задавай лишних вопросов, если хочешь продолжать работать на Гильдию. Это правило, Кэл, и ты прекрасно его знаешь.

Вместо ответа Кэл молча вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист дорогой бумаги и положил его на стол перед Гримальдом, и старик, бросив на документ короткий, недоверчивый взгляд, взял его и поднес ближе к тусклому свету масляной лампы, стоявшей на столе, и в его зеленых глазах, внимательно изучавших вензель на бумаге, сначала отразилось узнавание, а затем — нечто похожее на тревогу, которую он, впрочем, тут же постарался скрыть за маской привычного безразличия.

— Прочитай, — тихо, но отчетливо произнес Кэл, не отрывая взгляда от лица старика. — Ротт работал на Совет. На лорда Крегана Белфорта. Он был не просто вором, он был их казначеем, их жирным кошельком, который выжимал золото из Ям.

Гримальд медленно развернул письмо и, пробежав глазами по витиеватым строкам, на мгновение замер, и Кэл заметил, как пальцы старика, державшие лист, едва заметно дрогнули, что для человека, привыкшего за свою долгую жизнь к любым неожиданностям и редко проявлявшего хоть какие-то эмоции, было равносильно паническому крику.

— Если я передам это Магистру, — продолжил Кэл, внимательно наблюдая за реакцией посредника, — нам придется либо сидеть тихо, затаившись, пока буря не уляжется, либо ждать, что Совет начнет искать виновного и в конечном итоге выйдет на нас, поскольку Ротт был не последним человеком в их финансовой империи. Наш заказчик — из знати, и он явно знал, на кого мы работаем. Мне нужно знать, кто он, чтобы понять, что нас не подставят, что мы не станем следующим звеном в этой цепочке, от которого избавятся, как только мы выполним свою роль.

Гримальд отложил письмо на стол и сложил сухие, пергаментные пальцы домиком, уставившись на Кэла долгим, изучающим, пронизывающим взглядом, который, казалось, пытался проникнуть в самые потаенные уголки его сознания, и в этом взгляде не было ни тени той привычной иронии или пренебрежения, с которыми он обычно общался с ассасинами.

— Заказ пришел от миледи Арианны Белфорт, — наконец произнес он медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Да, Кэл, ты правильно понимаешь. Младшей сестры лорда Крегана. Той самой, которую в народе называют Благодетельницей за ее щедрые пожертвования приютам и храмам.

Кэл молчал, переваривая полученную информацию, и имя это ударило ему в голову, как глоток дешевого кислого вина, которое обжигает горло и заставляет сознание на мгновение проясниться, выхватив из темноты все те детали, которые он раньше отказывался замечать.

— Ты знаешь, чем это пахнет? — спросил Гримальд, нарушив затянувшуюся паузу, и его голос прозвучал на удивление серьезно и даже как-то устало. — Это не просто драка за власть внутри Совета, не просто очередная грызня аристократов за теплое место у трона. Это самая настоящая чистка, Кэл. Арианна убирает финансовые связи своего брата, одного за другим, чтобы подставить его перед остальными советниками или перед самим королем, и Ротт был одним из ключевых звеньев в цепи, по которой деньги из Ям текли напрямую в сундуки лорда Крегана. Или же, что не менее вероятно, сам Креган начал избавляться от слишком много знающих исполнителей, а сестра лишь прикрывает его, действуя из собственных, пока неясных нам мотивов.

— И меня использовали как инструмент в семейной войне, — закончил Кэл, и голос его был ровным, но в глубине серых глаз зажегся опасный, холодный огонь, тот самый, который появлялся у него только в моменты крайнего раздражения или перед тем, как он собирался сделать нечто, о чем впоследствии могли слагать легенды.

— Ты ассасин, Кэл, — напомнил Гримальд, и в его словах прозвучала усталая обреченность человека, который уже не первый десяток лет наблюдает за тем, как молодые и полные амбиций убийцы сгорают в пламени чужих интриг. — Твое дело — убивать, а не разбираться в политике. Ты — клинок, а не рука, направляющая этот клинок. Советую тебе забыть об этом письме, отдать его мне, и я уничтожу его, чтобы никто и никогда не узнал о твоей причастности к этому делу.

— Нет, — Кэл медленно покачал головой и потянул письмо обратно через стол, забирая его из-под костлявых пальцев Гримальда, — если меня втянули в эту игру, я должен знать правила. Я должен понимать, кто расставил фигуры и какую роль отвели мне.

Гримальд долго молчал, перебирая свои четки и глядя куда-то в темный угол комнаты, где, казалось, сгустились тени, и в этом молчании было столько невысказанного, столько предупреждений и дурных предчувствий, что Кэл на мгновение почти пожалел, что вообще начал этот разговор.

— Гильдия не защитит тебя, если Совет решит, что ты стал слишком опасен, — наконец произнес старик, и слова его прозвучали как приговор. — Ты это понимаешь? Ты останешься один, Кэл, с этой бумажкой в кармане, и все клинки Шепотов будут направлены на тебя, если Магистр узнает, что ты влез в дела, которые тебя не касаются.

— Я всегда это знал, — ответил Кэл, поднимаясь со скрипучего стула, и в его голосе не было ни бравады, ни страха, лишь спокойная, ледяная уверенность человека, который давно принял все возможные последствия своих решений.

Он вышел из «Хромой Гарпии» в предрассветную мглу, когда небо над Эшфордом только начало сереть, окрашиваясь в болезненно-бледные тона, предвещавшие скорый рассвет, и густой, липкий туман стелился по мостовым, делая очертания домов зыбкими, призрачными, нереальными, словно весь город погрузился в какое-то странное, сюрреалистичное забытие.

В голове Кэла постепенно складывалась картинка, но она была полна дыр, как старое, изъеденное молью одеяло, и каждая новая деталь, которую он получал, лишь добавляла новые вопросы, не приближая его к пониманию общей картины: миледи Арианна Белфорт, младшая сестра советника, известная своей красотой, холодностью и показной набожностью, которую в народе любили за ее благотворительность, за ее посещения приютов и щедрые пожертвования на ремонт храмов, — эта женщина, этот образец добродетели и сострадания, нанимала ассасинов, чтобы убивать людей своего собственного брата, и этот диссонанс между публичным образом и тайными действиями был настолько вопиющим, что Кэл поначалу даже не мог в это поверить.

Но он слишком хорошо знал, что у знати всегда было два лица, что за красивыми улыбками и изящными жестами скрывались порой такие чудовища, по сравнению с которыми обитатели Ям казались невинными детьми, и что благотворительность для аристократов часто была лишь дымовой завесой, прикрывавшей куда более темные и грязные делишки.

Он поплотнее запахнул плащ, хотя утренняя прохлада была не настолько сильной, чтобы причинять дискомфорт, и медленно двинулся по пустынной улице, направляясь в сторону своего временного убежища — маленькой, ничем не примечательной квартиры на четвертом этаже доходного дома, расположенного в самом сердце Ям, где его никто не знал и где он мог позволить себе на несколько часов стать обычным человеком, не связанным с Гильдией и ее кровавыми контрактами.

Цена контракта оказалась выше, чем он ожидал, и дело было не в золоте, которое ему заплатили, а в том, что по-настоящему он получил билет в мир, где каждый шаг мог стать последним, где за каждым углом могла поджидать смерть, и где доверять нельзя было никому, даже тем, кто называл себя союзниками.

В Гильдии учили не оставлять следов, учили быть невидимым, учили растворяться в тени, но теперь его след был оставлен на трупе человека, слишком глубоко связанного с тронem, и тот, кто отдал приказ, несомненно, знал, что Кэл увидит это письмо, что он прочтает его и сложит все кусочки головоломки в единую картину, и это означало, что вся эта операция была ловушкой, расставленной заранее, с целью использовать его не только как инструмент устранения, но и как фигуру в гораздо более сложной и опасной игре.

Он остановился на углу какого-то обшарпанного здания и посмотрел на восток, туда, где над величественными шпилями Эшфордского замка, резиденции короля и всего его двора, начинало занимать алое зарево, напоминавшее разлившееся по небу вино или отблеск далекого пожара, и в этом кровавом свете восходящего солнца столица Вельгарда выглядела особенно зловеще, словно предупреждая его о том, что новый день принесет с собой новые опасности и новые испытания.

День только начинался, а цена ошибки уже выросла до размеров всего королевства, и Кэл, осознав это с холодной, отрезвляющей ясностью, вдруг почувствовал нечто, чего не испытывал

уже очень давно, — не страх, не тревогу, не сомнение, а то самое, почти забытое, будоражащее кровь предвкушение большой игры, в которую он оказался втянут против своей воли, но из которой теперь не было пути назад.

Миледи Арианна Белфорт заплатила ему за то, чтобы он стал её пешкой, её орудием в борьбе против собственного брата, но Кэл был ассасином Гильдии «Шепотов», и за пятнадцать лет безупречной службы он слишком хорошо усвоил главный урок этой профессии: пешка, которая осознала свое положение и научилась думать самостоятельно, становится самой опасной фигурой на доске.

И впервые за долгие годы ему захотелось не просто выжить, не просто замести следы и залечь на дно, переживая бурю, а лично навестить заказчицу и спросить ее, глядя прямо в эти холодные, прекрасные, лживые глаза: какова цена её собственного контракта, и кто, в конце концов, заплатит за то, что Кэл узнал слишком много?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.